

A warm, atmospheric photograph of a rustic interior. In the foreground, a thick, grey knitted blanket is draped over a wooden chair. On a dark, weathered wooden table sits a white ceramic mug with steam rising from it. A single, glowing yellow pendant lamp hangs above the table. In the background, a woman with grey hair stands by a large window, looking out at a rainy, blurred landscape. The window is covered in raindrops, and the overall color palette is muted and cool, with the warm light from the lamp providing a focal point of warmth.

ДОМ НА КЛАКАМАСЕ

Джон Гришем

Джон Гришем

Дом на Клакамасе

«Автор»

2026

Гришем Д.

Дом на Клакамасе / Д. Гришем — «Автор», 2026

Два удара. Пауза. Один. Так стучат в дом на реке Клакамас. Выйдешь на крыльцо — никого. Только мокрый след на досках и кружка, из которой кто-то пил, пока ты спал. Здесь живут те, кто не может простить себя. Механик до сих пор носит в кармане ключи от машины со стёртыми тормозами — той самой, что отдал сыну. Женщина вздрагивает от любого крика: крик своего ребёнка она так и не услышала. Соцработник берёт трубку сразу — с того дня, как пропустил один-единственный звонок. Каждый вечер Мэтью наливает восемь кружек на семерых. Восьмую ставит пустому стулу. Чай в восьмой кружке больше не остывает. На стекле изнутри проступает детский отпечаток ладони. На дне треснувшей кружки выцарапано слово: «Пастырь». «Дом на Клакамасе» — триллер в духе Кинга и «Настоящего детектива». После него ты ещё долго будешь пересчитывать кружки на столе. Это книга о вине, которая не идёт ко дну: река выносит её обратно, к тому же крыльцу. Открой, если готов сесть за стол. Чай ещё горячий. Пей, пока не остыл.

© Гришем Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 7. Обрыв	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Джон Гришем

Дом на Клакамасе

Глава 1. Восемь стульев

Подвал пах так же, как в прошлый четверг. Как в позапрошлый. Как тогда, когда Мэтью впервые спустился по этим ступеням — мокрой тряпкой на ржавой батарее, старым чаем, который оставили на дне кружки, и этот запах въелся в линолеум, в алюминиевые ножки стульев, в лёгкие каждого, кто сидел здесь больше одного раза. Мэтью вдыхал его уже третий год. Всякий раз горло сжималось — будто он пробовал воду из чужого стакана: тёплую, с привкусом железа.

Он вошёл последним. Семь спин, согнутых к коленям, — каждая будто под чужой ладонью, прижатая вниз. Он пересчитал их, не шевеля губами. Семь. Восьмой стул стоял чуть в стороне, отодвинутый к стене, будто его специально поставили так, чтобы он не мозолил глаза. Но Мэтью видел его. Всегда видел. Пустой стул был как выбитый зуб во рту — язык находил его, даже когда не хотел.

Он поставил поднос на стол. Керамика стукнула о дерево — коротко, глухо, как удар по ребру. Все вздрогнули. Кроме Сандры. Она сидела третьей от двери, плечи сведены вперёд, лопатки торчали под тонким свитером. Ладонь лежала на низе живота. Не гладила, не сжимала — просто лежала, как лежит рука на крышке люка, чтобы он не открылся.

Сандра открыла рот. Губы дрогнули, и воздух вышел без звука. Вместо этого её правая рука дёрнулась — коротко, будто от судороги. Крайняя кружка на подносе качнулась, поехала по гладкой поверхности, описала короткую дугу и упала. Не разбилась. Керамика глухо стукнула о линолеум, покатилась под стул, звеня, как монета по асфальту. Звук длился три секунды. Ровно три. Потом кружка остановилась, лёжа на боку.

Мэтью не двинулся. Пальцы похолодели. Спина напряглась. В груди, где-то между рёбрами, образовалась полость — и он не знал, откуда она взялась. Он смотрел на пустое место на столе, где только что стояла восьмая кружка. Восемь было условием. Не числом. Как те часы, когда он не спит. Если кружек восемь — значит, подвал не пуст, люди, которые пришли, — те, кого он не должен потерять. Теперь одна лежала на полу, и Мэтью не знал, что это значит.

Он наклонился. Поясница гудела, как провисший трос. Каждый сантиметр — с натугой. Поднял кружку. Керамика была холодной. Холод перешёл в пальцы, в кости. Он поставил её обратно, но ладонь задержалась над ней на секунду дольше, чем нужно. Не коснулся. Просто держал руку на весу — как над горячей поверхностью, не решаясь опустить.

— Прости, — прошептала Сандра. Одним движением губ. — Я не хотела.

Мэтью не ответил. Повернулся к плите.

Она была старой, с двумя конфорками, одна не работала. Он взял чайник — алюминиевый, с вмятиной на боку, — налил воды из-под крана. Вода ударила о дно, и звук был пустым, металлическим. Он поставил чайник на конфорку, щёлкнул выключателем. Синий огонь лизнул дно. Через секунду вода начала шуметь — тихо, нарастающе, как дыхание человека, который вот-вот заплачет.

На седьмой ступеньке скрипнуло. Тяжёлые шаги — с пятки, с заминкой на правой ноге. Рой Хеллман вошёл, не снимая куртки. Брезент, пропитанный моторным маслом, — запах добрался раньше, чем он переступил порог. Рой не поздоровался, не кивнул. Прошёл к стулу у двери — тот стоял боком. Сел. Медленно, с усилием — как садятся после смены, когда спина уже не гнётся. Левое колено выставил вперёд — оно не сгибалось, и тело шло за ним. Правую руку положил на бедро. Пальцы начали стучать: три удара, пауза, три удара. Коротко, сухо, как тиканье часов, которые давно пора завести.

Группа молчала. Слышно было, как гудит лампа и потрескивает линолеум под чьим-то стулом. Мэтью смотрел на Роя. На куртку: масляные пятна на рукавах, ремешок часов,

затянутый слишком туго, врезавшийся в кожу. Рой не поднимал глаз. Смотрел в пол, на пятно от чая, которое не отмыли с прошлой недели. Пальцы стучали — ровно, механически, как проверяют двигатель на холостом ходу. Мэтью ждал. Всегда ждал. Знал, что Рой скажет что-то сегодня.

— Я вчера звонила дочери, — заговорила женщина у окна. Она говорила в стекло, в своё отражение, в серый свет, который лился снаружи и не грел. — Она сказала: «Мама, ты опять не в порядке. Ты всегда не в порядке».

Сандра не подняла головы. Смотрела на свои руки, пальцы на животе.

— Они никогда не понимают. Думают, что мы можем просто взять и стать другими.

Рой перестал стучать. Пальцы замерли на бедре — постепенно, как затихает мотор, когда выключают зажигание. Поднял голову. Серые глаза, выцветшие, без блеска, как дорога в дождь. Посмотрел на женщину у окна. Потом на Сандру. Потом на Мэтью.

— Ты думаешь, твоя дочь не понимает? Ты думаешь, это самое страшное — что она не понимает?

Голос был грубым, как наждак. Злобы — ни капли. Тяжесть, которую он носил так долго, что она стала частью его скелета. Он снова застучал пальцами — быстрее, сбивчиво. Но слова уже шли.

— Мой сын... — остановился. Нюхнул воздух. Пальцы стучали. Три удара. Пауза. Три удара. — Мой сын позвонил мне в тот день. Сказал: «Пап, можно ключи от пикапа? Я к друзьям». И я знал. Передние колодки стёрлись. Знал. Надо было съездить в мастерскую. Откладывал. В тот день — тоже отложил.

Замолчал. Посмотрел на свои руки: разбитые костяшки, масло под ногтями, трещины, забитые чёрным. Сжал кулак. Разжал. Снова сжал. Пальцы побелели.

— Я сказал «да». Одно слово. Даже не подумал. Он взял ключи и поехал. А на повороте, там, где дорога мокрая, потому что шёл дождь... не справился. Тормоза не держали. Я знал.

Голос сорвался на последнем слове — на хрип, на выдох, когда в лёгких больше нет силы. Пальцы перестали стучать. Он смотрел в пол. Дышал тяжело, с хрипом на выдохе.

Кто-то в углу — тот, что сидел у стены, — кашлянул в кулак. Сухо, коротко. И замер. Никто не дышал. Лампа гудела. Слышно было, как остывает чайник на плите.

Мэтью не сказал ни слова. Чайник зашумел, закипел. Он снял его с плиты, подошёл к столу. Взял кружку — ту, что стояла перед пустым стулом. Налил в неё чай. Пар пошёл вверх — тонкий, почти невидимый в жёлтом свете лампы. Поставил кружку перед Роем. Не коснулся его руки. Не коснулся плеча. Просто поставил — как инструмент перед механиком, который должен работать, но не может.

Рой посмотрел на кружку. Потом на Мэтью. Долго. Так долго, что Мэтью успел заметить скол на ободке и чайнику, застрявшую в трещине.

— Ты всегда так делаешь? — спросил Рой. Голос сухой, без слёз, без надрыва. Просто вопрос. — Наливаешь чай, когда нечего сказать?

Мэтью не ответил. Сел — сбоку, на уровне глаз. Локти на колени, ладони на керамике. Чай жёг пальцы через стенки кружки, но он не отпускал. Смотрел на Роя: разбитые костяшки, масло под ногтями, глаза, которые не могли задержаться на одной точке дольше трёх секунд.

— Чай горячий, — сказал Мэтью. Ровно. Без жалости, без фальшивого тепла. Просто факт. — Пей, пока не остыл.

Рой не взял кружку. Смотрел на неё, как на чужую. Потом его пальцы дрогнули — медленно, с усилием — и обхватили керамику. Он не поднёс её к губам. Просто держал, как держат деталь, которую сняли с двигателя и не знают, куда положить.

Труба за стеной стукнула трижды — пауза — ещё трижды. Мэтью не считал. Смотрел на восьмую кружку — ту, что упала и не разбилась. Она стояла на краю стола, и на её ободке, там, где никто не пил, блестела капля воды.

Он не знал, что это значит. Знал только, что пустой стул у стены не был пустым. На нём, в полумраке, сидела фигура. Человек. Не из группы. Не из тех, кто приходит по четвергам. Мужчина в тёмном, с бледным лицом, которое Мэтью не узнавал. Он сидел неподвижно, сложив руки на коленях, и смотрел на Мэтью. Не мигал.

Мэтью замер. Сердце ударило раз, второй, третий. Он хотел сказать что-то, но голос не слушался. Он посмотрел на Роя — тот не повернул головы. На Сандру — она считала кружки, шевеля губами. Никто не видел. Только он.

Фигура подняла руку. Медленно, с паузой на полпути. Указательный палец вытянулся, и человек указал на восьмую кружку. На ту, что стояла на краю стола. На каплю воды на её ободке.

Потом он исчез. Не растворился — просто перестал быть. Как будто его выключили. Стул остался пустым. Темнота в углу стала просто темнотой.

Мэтью сглотнул. Горло было сухим. Он посмотрел на свою кружку, на остывающий чай, на пар, который уже почти не шёл. Руки не дрожали. Но холод в пальцах не уходил.

Он перевёл взгляд на пустой стул. Посидел три секунды. Потом медленно взял восьмую кружку — ту, с каплей, — и поставил перед пустым местом. Как будто кто-то должен был прийти. Как будто кто-то пришёл.

Рой поднял голову, посмотрел на Мэтью, потом на кружку перед пустым стулом. Ничего не сказал. Просто отпил из своей. Стук поставил на стол. Керамика о дерево — глухо, коротко.

Женщина у окна отвернулась от стекла. Сандра перестала считать. Все смотрели на восьмую кружку, которая стояла перед пустым стулом. Никто не спросил, зачем Мэтью её туда поставил.

Он не знал, что ответить. Знал только, что капля на ободке дрогнула, покатилась по керамике и упала на стол. Там, где она упала, осталось тёмное пятно — как след от пальца. Или от чужого прикосновения.

Мэтью выдохнул. Посмотрел на часы на стене. До конца встречи оставалось сорок минут. Он взял чайник, налил себе. Последним. Как всегда.

— Чай остывает, — сказал он в тишину. — Пейте, пока тёплый.

Никто не двинулся. Восьмая кружка стояла перед пустым стулом. Пар из неё поднимался тонкой, почти невидимой струйкой. И Мэтью знал — он не увидит того человека снова. Но знал и другое: кто-то сел на этот стул сегодня. И кто-то сидел на нём всегда. Просто он не замечал.

До конца встречи оставалось тридцать девять минут. Сорок секунд. Он отсчитывал их в такт ударам трубы за стеной — три удара, пауза, три удара. И ждал. Не знал чего. Может, когда кружка упадёт снова. Или когда кто-то наконец заговорит. Или когда в тишине станет слышно, как потрескивает лампа.

Но тишина молчала. И кружка стояла.

Мэтью смотрел на неё, на каплю, которая уже высохла, на тёмное пятно на столе. Потом поднял глаза на пустой стул. И вдруг понял, что на нём снова кто-то сидит. Та же фигура. Те же сложенные руки. Только теперь он улыбался. Едва заметно, одними уголками губ.

Мэтью не моргнул. Не отвёл взгляда. Он держал свою кружку двумя руками, чувствуя, как керамика остывает, и ждал. Ждал, когда фигура заговорит. Или исчезнет. Или когда он сам поймёт, что это значит.

Но фигура молчала. Просто сидела. Смотрела на него. Ждала вместе с ним.

Труба за стеной стукнула трижды. Пауза. И ещё трижды. Мэтью перестал считать. Он просто сидел, глядя на восьмой стул, и чувствовал, как холод поднимается от линолеума, проходит сквозь подошвы, сквозь кости, сквозь всё, что он когда-то знал о себе.

Завтра будет новая встреча. Он поставит чайник. На этот раз — девять кружек.

Глава 2. Бейдж на столе

Люминесцентная лампа над третьим столом гудела на полтона ниже остальных. Не мигала — гудела. Мэтью слышал этот гул затылком, не ухом — как слышат сверло за стеной, когда не знаешь, в какой комнате его включают. Звук был ровным, как линия на кардиограмме, и Мэтью держался за него, чтобы не слышать собственных мыслей.

Он сидел за своим столом уже час. Папки лежали перед ним — три штуки, аккуратной стопкой. Он не открыл ни одной. Пальцы лежали на блокноте, на чистой странице, и правая ладонь — та, с ожогом, — касалась бумаги шрамом. Шрам цеплялся за ворс, и это ощущение было единственным реальным: шероховатость бумаги, сухость кожи, микроскопическое сопротивление, когда он чуть двигал пальцем.

Бейдж на шее царапал кожу под кадыком. Пластиковый край, тонкий, дешёвый, с заусенцем, который он не заметил в первый день, но теперь чувствовал каждую минуту. Фотография на бейдже — овал лица, которое смотрело в камеру и не моргало. Не его лицо. Не его глаза. Мэтью знал, что на фото он, но не узнавал себя: взгляд был прямым, твёрдым, уверенным — тем, кем он должен был быть в этом офисе.

Он не поправлял бейдж. Не снимал. Потому что снять — значит признать, что это не его кожа, не его жизнь.

Дверь офиса открылась с шипением — пневматический доводчик, который не закрывал створку до конца. Мэтью поднял глаза. В дверях стояла Ронда. Она держала в руке бумажный стаканчик и смотрела на него с выражением, которое он научился читать: «Ты снова не здесь».

— Звонил Мотт, — сказала она. Без приветствия. — Говорит, вы обещали приехать на прошлой неделе. Я сказала, что вы заняты.

Мэтью моргнул. Юджин Мотт. Семьдесят восемь лет, живёт в доме без света, потому что не может разобраться в квитанциях. Мэтью обещал приехать. Он помнил голос старика — хриплый, с одышкой, — и слово «свет», которое прозвучало как молитва. Мэтью не приехал.

— Скажи ему, что я позвоню сегодня, — сказал Мэтью. Голос ровный, без интонации, как автоответчик.

Ронда не ушла. Стояла в дверях, пальцы сжимали стаканчик, пластиковая крышка начала трещать.

— Мэтью, — сказала она, и в голосе появилась осторожность. — Твоя машина три дня стоит на том же месте. Я не спрашиваю, почему. Просто говорю.

Он посмотрел на неё: руки, стаканчик, складки на лбу — мелкие, как трещины на старой керамике. Хотел сказать «я в порядке», но губы не разошлись. Он не знал, что такое «порядок» теперь.

— Я позвоню Мотту, — сказал вместо ответа.

Ронда посмотрела на него ещё секунду. Потом развернулась и ушла, оставив дверь приоткрытой. Сквозняк потянул по кабинету — холодный, с запахом коридора: моющее средство, пластик.

Мэтью остался один. Он смотрел на папки. Три штуки. На верхней было написано: «Креншоу, Дэйл. Заявка на переквалификацию». Он открыл её. Бумаги, скрепки, штампы. Слова, которые ничего не значили: «Срок — шесть недель», «Повторный контакт», «Рекомендовано». Он провёл пальцем по строке, и шрам на ладони зацепился за край бумаги. Бумага была шершавой, как наждак.

Он закрыл папку. Взял вторую. «Карен Остлунд. Решение суда». Он читал её на прошлой неделе — три страницы, мелкий шрифт, слово «надлежащий» четыре раза. Помнил её голос по телефону: ровный, слишком ровный, как голос человека, который уже всё решил и просто ждёт, когда кто-то заметит. Он помнил, как написал на полях «ровный» и обвёл это слово в круг. Слово было его. Маленький акт неповиновения, который никто не увидит.

Он взял ручку, открыл папку на той странице, где было слово «надлежащий». Четыре раза. Перечитал их: «надлежащий уход», «надлежащий уровень», «надлежащая оценка», «над-

лежащее вмешательство». Четыре раза. Четыре удара молотком по стеклу. Мэтью взял ручку и зачеркнул четвёртое. Медленно, с нажимом, так что бумага вмялась. Чистое слово исчезло под чернильной линией. Он посмотрел на это место. Пустота.

Отложил папку. Взял третью. «Мотт, Юджин. Задолженность по электроэнергии». Открыл. Цифры, даты, суммы. И внизу, приписка от коллеги: «Рекомендовано подать на рас-срочку». Мэтью смотрел на эту фразу, и в голове зазвучал голос старика: «А свет? А если отключат? У меня котёл электрический. Котёл — это тепло». Он слышал этот голос так отчётливо, будто старик стоял рядом и дышал в затылок.

И тогда он заметил. В папке, между страницами, был зажат конверт. Официальный, с логотипом округа. Не распечатанный. Мэтью вытащил его, открыл. Внутри — письмо. «Уважаемый мистер Дэвис. Вы не вышли на работу. Третий день. Просим позвонить в отдел кадров для разъяснения причин». Дата — вчерашняя. Ронда не сказала ему. Или не знала. Или ждала, когда он сам заметит.

Мэтью посмотрел на письмо. Потом на папку Мотта. Потом на зачёркнутое «надлежащее вмешательство». Он сжал письмо в кулаке. Бумага хрустнула. Разжал. Положил обратно в папку. Закрыл.

Он встал. Спина не разогнулась — поясница держала его, как ржавый болт. Взял куртку, накинул, не застёгивая. Бейдж на шее качнулся, ударился о ключицу. Мэтью снял его. Провёл шнурок через голову, пластик скользнул по щетине, царапнул кожу. Положил бейдж на стол, рядом с папками. Имя на пластике смотрело в потолок.

Прошёл мимо стола Ронды. Она подняла голову, открыла рот, но он не остановился. Прошёл по коридору, мимо лифта, мимо двери с табличкой «Только для сотрудников». Спустился по лестнице — восемь ступеней, поворот, ещё восемь. Выходная дверь была тяжёлой, с доводчиком, который не давал открыться до конца. Мэтью толкнул её плечом, и холодный воздух ударил в лицо — ноябрьский, влажный, с запахом реки.

Он остановился на крыльце. Пар изо рта — короткий, белый. Посмотрел на парковку, серое небо, верхушки сосен за забором. Пальцы были пусты. Он сжал их в кулаки и разжал. Три раза. Подумал: «Я не вернусь сюда. Не сегодня. Может, никогда».

Сел в машину. Старую, серую, ключи лежали в замке зажигания с прошлого раза. Двигатель кашлянул, чихнул и завёлся. Мэтью вырулил с парковки, не включая поворотник. Дорога была пустой — ноябрь, вторник, одиннадцать утра.

Он проехал мимо церкви. Мимо подвала, где сегодня не было собрания. Мимо дома на реке, который ещё не стал их домом. Ехал просто так, чтобы двигаться, чтобы не думать. Но мысли всё равно приходили: голос Роя, пальцы, стучащие по бедру; голос Сандры, которая прошептала «прости»; голос старика Мотта: «А вы точно приедете?». Мэтью никому не ответил. Просто молчал.

Остановился у моста через Клакамас. Не на обочине — прямо на дороге, потому что машин не было. Выключил двигатель. Тишина. Только река внизу — шуршание, низкое, ровное. Он вышел из машины, подошёл к перилам. Вода была серой, мутной, быстрой. Она несла ветки, листья, что-то белое — может, бумагу, может, пакет. Мэтью смотрел на неё, и в груди росла пустота.

Он стоял у перил, сжимая их так, что побелели костяшки. И вдруг заметил — на перилах, прямо перед ним, был след. Отпечаток пальца. Свежий, влажный, как будто кто-то стоял здесь до него, держался за то же место. Он посмотрел вниз, на гравий у обочины. Следы ног. Две пары. Одна — его, свежая. Вторая — чужая, уже подсохшая, но чёткая. Кто-то стоял здесь до него. Смотрел на ту же воду. Дышал тем же воздухом.

Мэтью оглянулся. Никого. Только дорога, лес, серое небо. Он перевёл взгляд на реку. Вода несла что-то белое — и он вдруг понял, что это не пакет. Это был лист бумаги. Сложен-

ный вчетверо, мокрый, он плыл по течению, медленно, не торопясь, и Мэтью смотрел, как он исчезает за поворотом.

Телефон в кармане куртки завибрировал. Один раз. Коротко. Мэтью не хотел смотреть. Но вибрация повторилась. Два раза. Три. Он достал телефон. Экран светился белым светом — слишком ярким, почти болезненным. Сообщение от Сандры: «Ты придёшь сегодня? Дом на реке. Я поставила чайник».

Мэтью смотрел на эти слова. Чайник. Она поставила чайник. Она ждала его. Он не знал, как она узнала, что он ушёл с работы. Или она не знала — просто ждала, как ждала каждую неделю, как ждала своего ребёнка, который не закричал. Пальцы дрожали.

Он набрал ответ. Одно слово: «Буду». Отправил. Убрал телефон в карман. И пошёл к машине.

Но перед тем как сесть, он обернулся. Посмотрел на мост, на перила, на следы на гравии. Вторая пара следов вела не к машине и не от машины. Они вели в лес. Туда, где между стволами сосен было темно и тихо. Мэтью посмотрел в ту сторону. Ничего. Только стволы, только хвоя, только серый свет, который не грел.

Он сел в машину. Завёл двигатель. Но не тронулся с места. Сидел, глядя на дорогу, на мост, на лес. И думал о бумажке, которая плыла по реке. О следах на гравии. О том, что кто-то стоял здесь до него и смотрел на ту же воду. Кто-то, кто, возможно, тоже не знал, куда ехать.

Он нажал на газ. Машина тронулась. Дом на реке был в десяти минутах езды. Но Мэтью знал: он вернётся сюда. Не завтра. Не послезавтра. Но он вернётся. Потому что следы на гравии не исчезли. И бумажка не утонула. Она просто уплыла за поворот, туда, где река делала изгиб и исчезала за деревьями. Туда, где, возможно, ждали ответы. Или вопросы.

Он вырулил на дорогу. В зеркало заднего вида мост становился всё меньше. И в последний момент, перед тем как повернуть, он увидел — на том самом месте, где стоял, на перилах, снова кто-то стоял. Фигура. Тёмная, неподвижная. Смотрела вслед его машине.

Мэтью моргнул. Фигура исчезла. Или её не было. Или была. Он не знал. Он знал только, что пальцы на руле сжались так, что побелели костяшки, и что в груди, между рёбрами, снова образовалась та же полость, что и в подвале, когда упала кружка.

Он не остановился. Поехал дальше. К дому на реке, где горел свет и ждал чайник. Но в голове стучало: «Кто стоял на мосту? Кто оставил следы? И почему бумажка плыла по течению так ровно, будто её кто-то пустил специально?»

Ответов не было. Только дорога впереди. И свет в окне, который становился всё ближе

Глава 3. Дом на реке

Дом стоял у самого леса. Доски фасада вздулись от влаги, и у земли, между ними, зелел мох — тонкий, как шрам. Окна светились жёлтым, тусклым, не грели, но держали направление. Мэтью заглушил мотор и посидел с минуту, глядя на крыльцо. Три ступени, перила с облупившейся краской. Свет в окнах был ровным, без моргания.

Он вышел из машины. Воздух пах рекой, мокрой хвоей и прелой трухой, тянувшей из-под дома. Ноги ступили на гравий — хруст, ломкий. Первая ступенька скрипнула, вторая промолчала, третья — с хрипом, как будто доска не хотела отпускать вес. Дверь была приоткрыта, щель в ладонь. Он толкнул — петли поддались без звука, словно ждали.

Тепло ударило в лицо. Не жар — плотный, влажный воздух, пропитанный мокрым деревом, дешёвым мылом и сладковатым духом старого варенья. Сандра стояла у плиты, спиной к нему. Лопатки торчали под тонким свитером, плечи втянуты к ушам. Она не обернулась, но рука, державшая чайник, замерла.

— Ты пришёл, — сказала она. Голос ровный, без вопроса.

— Я сказал, что буду.

Он подошёл к столу. Кружки стояли ровным рядом — тринадцать, край к краю. Крайняя, с трещиной у ободка, чуть отодвинута вбок, будто её не приглашали. Мэтью пересчитал,

не шевеля губами. Тринадцать. В подвале было восемь. Здесь — тринадцать. Он не спросил, зачем.

За спиной — шаги по гравии, потом скрип ступенек. Вошли двое: мужчина с тростью и женщина, которая всегда кашляла. Она сняла шарф, повесила на гвоздь у двери, но кашель не повторился. Мужчина сел у стены, поставил трость между колен. Они не здоровались. Никто не здоровался.

Сандра налила воду в чайник, поставила на плиту. Конфорка щёлкнула, синий огонь лизнул дно. Вода зашумела — сначала тихо, потом набирая силу, раздуваясь, как грудь перед всхлипом. Сандра стояла, не двигаясь. Пальцы её лежали на ручке чайника, и Мэтью заметил, как шевелятся её губы — беззвучно, считая.

— Ты считаешь кружки? — спросил он. Голос тихий, без любопытства.

— Я считаю, чтобы знать, сколько нас, — ответила она в стену. — Если я не посчитаю, кто-то может не прийти.

Она замолчала. Потом добавила, не оборачиваясь:

— Врач сказал мне, что я должна перестать думать о прошлом. Что это мешает жить.

Женщина у окна повернула голову. Она смотрела не на Сандру — на дождь, который начинал бить по стеклу.

— Мне тоже так говорили, — сказала она. — Я ответила, что не могу. Это как дышать.

Сандра не ответила.

Вошёл Рой. Он не появился в проёме сразу — сначала запах моторного масла, смешанный с мокрой хвоей, потом куртка, брезентовая, с тёмными пятнами на локтях. Он шагнул через порог, и плечо его зацепилось о косяк — он дёрнулся, освобождаясь, и не извинился. Не посмотрел ни на кого. Сел на стул у двери, тот, что стоял боком. Левое колено выставил вперёд, правое под себя. Правую руку положил на бедро. На указательном пальце — пластырь. Старый, с серым краем.

Мэтью смотрел на пластырь. Не на лицо Роя, не на руки, не на колено. На пластырь. Потому что этот кусок лейкопластыря был важнее всего, что Рой мог сказать. Он мог бы сказать: «Чинил насос», или «Порезался», или ничего. Но пластырь был здесь — и Мэтью запомнил его.

Рой не здоровался. Он посмотрел на кружки, на стол, на Сандру, потом на женщину у окна.

— Что сказал врач? — спросил он. Голос грубый, с пропущенными глаголами, как гравий под колёсами.

— Сказал, чтобы я перестала думать о прошлом.

Рой нюхнул воздух. Три коротких вдоха, пауза.

— И что ты ему ответила?

— Что я не могу. Это как дышать.

Рой молчал. Потом сказал, обрывая слова, будто они не хотели выходить:

— Я хожу. Я дышу. И мне стыдно, что я хожу и дышу. А он — нет.

Тишина легла на стол, на кружки, на чужие руки. Мэтью не двигался. Слышал, как в чайнике вода уже кипит, как пар бьёт из носика. Он не снимал чайник. Ждал. Сандра стояла у плиты, не оборачиваясь. Её плечи дрогнули, но она не повернулась.

— Сколько людей? — спросил Мэтью. Вопрос в пустоту.

— Двенадцать, — ответила Сандра. — Тринадцатая кружка — запасная.

Она взяла чайник, сняла с плиты. Налила в двенадцать кружек. К тринадцатой не прикоснулась. Поставила чайник обратно.

— Я поставлю её на полку, — сказала она. — Подальше.

Она подошла к столу, взяла тринадцатую кружку за ободок, осторожно, двумя пальцами, как берут чужое. Повертела, посмотрела на трещину. Открыла верхний шкаф, поставила кружку на дальнюю полку, за другими — за сколотыми, за старыми. Закрыла дверцу.

— Так она не будет мешать, — сказала она. — Но будет здесь. На всякий случай.

Мэтью смотрел на её руки. Они опустились, плечи чуть расслабились. Он хотел сказать что-то, но не сказал. Взял свою кружку — самую обычную, без трещины — и поднёс к губам. Чай был горячим, горьким, с металлическим привкусом.

За окном дождь начал бить по стеклу. Мелкий, частый, как пальцы по столу. Никто не повернул головы. Рой сидел у двери, смотрел на свои руки. Женщина у окна — на стекло, где её отражение сливалось с каплями. Мужчина с тростью закрыл глаза.

Сандра стояла у шкафа, спиной к комнате. Её ладонь всё ещё касалась дверцы. Мэтью видел, как она сжимает пальцы, как костяшки белеют. Она не оборачивалась.

И тогда — тишина. Не та, что после слов Роя. Другая. В ней слышно, как река шумит за стеной, как капли срываются с крыши, как дышит каждый, кто сидит за этим столом. Мэтью почувствовал, что дом дышит вместе с ними. Стены, доски, пол — всё дышало. Они не вернутся в подвал. Этот дом — не временное убежище.

Он поставил кружку на стол. Звук керамики о дерево — короткий, глухой. Все вздрогнули. Даже те, кто привык.

— Чайник ещё горячий, — сказал он. — Если кому-то нужно.

Никто не ответил. Рой медленно поднялся, подошёл к столу, взял кружку, что стояла перед пустым стулом. Отпил, поставил обратно. Не сказал спасибо. Не кивнул. Просто сел обратно на свой стул у двери.

Дождь не кончался. Он бил по стеклу, и капли оставляли на нём следы, похожие на отпечатки пальцев. Мэтью смотрел на стекло, и вдруг ему показалось, что за ним, снаружи, стоит кто-то. Фигура, неясная, размытая дождём. Он моргнул — фигура исчезла. Но на стекле, с внутренней стороны, блестела капля, которая не падала. Она висела, дрожала, не желая скатываться.

Мэтью не сказал никому. Просто смотрел на каплю, пока она не исчезла сама, впитавшись в дерево подоконника.

Сандра наконец повернулась. Лицо её было бледным, глаза сухими. Она посмотрела на Мэтью, потом на Роя, потом на остальных.

— Мы останемся здесь, — сказала она. Не вопрос.

Мэтью кивнул.

— Да, — сказал он. — Мы останемся.

И за его спиной, в стекле окна, на мгновение проступил силуэт — неясный, детский, с поднятой рукой. А потом дождь смыл его.

Мэтью не обернулся. Он смотрел на кружки, на чай, на людей, которые дышали в этой комнате. Пальцы его обхватили тёплую керамику. Он отпил ещё раз.

Глава 4. Трейлер. Ночь.

Ключ царапнул замок — металл взвизгнул, и звук утонул в пустоте. Со второй попытки дверь поддалась. Холод внутри накопился за день в стенах, в одеяле, в пустой кружке на столе. Мэтью не включил свет. Серая полоса от фонаря лежала на полу, разрезая комнату надвое. В этой полосе стояла фотография — она упала лицом вниз. Он поднял её, поставил на полку. На стекле остался след от пальца. Не стёр.

Плита щёлкнула — пламя обхватило дно чайника. Металл дёрнулся, расширяясь от тепла. Вода зашумела. Мэтью снял ботинки — ноги отпустило, и он почувствовал холод пола через носки. Сел на матрас. Спина не разгибалась. Никогда.

Он посмотрел на фотографию. Женщина у окна, свет за спиной. Смотрит влево — на того, кого нет в кадре. Он знал этот взгляд. Каждый раз хотел перевернуть её, но не переворачивал. Не мог. В груди — тяжесть. Без названия.

Телефон на столе лежал экраном вниз. Тёмный. Не звонил уже давно. Но Мэтью помнил, как стоял у такого же телефона в детстве. Из чужой квартиры пахло жареным луком. Гудки в трубке. Он не набрал тогда. Она не позвонила.

Он взял телефон, подержал. Пластик холодный. Пальцы не нажимали кнопки. Положил обратно.

Чайник закипел — пар пошёл из носика, ударил в холодный воздух, осел на стекле единственного окна. Мэтью снял чайник, поставил на подставку. Не налил. Стоял, глядя, как пар тает, как металл щёлкает, остывая. За стеной — запах жареного лука. Чужая кухня. Чужая жизнь.

Он лёг. Не раздеваясь. Ботинки у двери. Закрыв глаза. Кран капал — две капли, пауза, одна. Металл за стеной щёлкал, сжимаясь от холода. Тишина звенела, как струна, которую вот-вот перережут.

Мысль пришла незваной: «Я не хочу видеть их. Никого». Он не отогнал её. Лежал, чувствуя, как холод поднимается от пола, как позвонки упираются в матрас, как пустота в груди становится шире.

Открыл глаза. Потолок металлический, в полосе от фонаря — тень от провода, дрожит на ветру. Смотрел на неё, пока та не перестала дрожать. Думал о завтрашнем дне. О том, что снова придётся встать, налить чай, сидеть, слушать.

Перестал думать.

Шаги. Снаружи. По гравию. Медленные, с паузами, будто человек шёл и сомневался. Приблизились к двери. Остановились. Тишина — такая, что слышно, как дышит он сам.

Стук. Два удара. Пауза. Один.

Мэтью не встал. Не включил свет. Лежал, глядя на дверь. Рука на простыне, пальцы сжаты, но не двигаются. Ждал.

Тишина. Шаги удалились. Медленно. С той же осторожностью.

Он не знал, кто это был. Не открыл. Тело знало: открывать нельзя. Не потому что страшно. Потому что если откроешь — придётся что-то решать. А он не хотел решать.

Повернулся на бок. Лопатка упёрлась в ребро матраса. Закрыв глаза. В голове — пустота. Ни гудка, ни голоса. Только капли из крана. Две. Пауза. Одна.

И вдруг — мысль, острая, как заноза: на столе под телефоном что-то белеет. Он не видел этого, когда садился. Он сел. Потянулся, не вставая. Пальцы нащупали бумагу. Официальный бланк, сложенный вдвое. Он развернул, не включая света, читая в серой полосе от фонаря.

«Вы не вышли на работу. Третий день. Просим позвонить».

Мэтью смотрел на буквы. Они не двигались, не расплывались. Просто стояли, чёрные на белом. Он сложил бумагу обратно, положил под телефон. Перевернул телефон экраном вниз. Лёг.

«Завтра не пойду», — подумал он. И добавил, уже проваливаясь в сон, без слов, одним телом: «Заснул».

Утром он заварил чай. Выпил стоя, глядя в окно на серое небо. Взял ключи. Вышел из трейлера, не обернувшись.

Но когда он садился в машину, на стекле с внутренней стороны, там, где он спал, остался отпечаток его ладони — влажный, чёткий, с пятью пальцами. Он смотрел на него секунду, потом завёл двигатель.

И поехал к дому на реке, не стирая след.

Глава 5. Дом на реке

Рой вошёл последним. Не потому что опоздал — потому что не хотел говорить стоя. Он прошёл к стене, где обычно сидел, но не сел. Пальцы на бедре замерли. Три секунды тишины, пока остальные заканчивали рассаживаться. Потом сказал:

— Дом на Клакамасе. Старый. Печь есть, вода. Крыша кое-где протекает, но я починю.

Он сказал это как про гайку, которую надо заменить. Без приглашения, без «если хотите». Просто факт, который уже стал решением.

Женщина у окна подняла голову. Ладонь её лежала на стекле — не касалась, висела в миллиметре, как будто она проверяла, есть ли там холод.

— Это дом твоего сына, — сказала она.

Рой не дёрнулся. Смотрел на неё, но видел что-то за ней — ту стену, где висела фотография, которой больше не было.

— Он не вернётся. — Голос его был ровным, как асфальт после дождя. — Там уже никто не живёт. Только стены. Если они будут просто стоять и гнить, зачем они вообще были?

Никто не заговорил. Кто-то за спиной выдохнул — коротко, как будто его ударили.

Мужчина с тростью, тот, что сидел у дальней стены, наклонился вперёд. Трость стукнула о линолеум — раз, два. Он сказал негромко, но так, что все услышали:

— Я не поеду. Останусь здесь. Не потому что не хочу. Потому что если я поеду, мне придётся объяснять дочери, зачем я уехал. А я не могу объяснить. Я сам не знаю.

Он замолчал. Трость в его руке дрожала — мелко, как струна после удара.

Рой не посмотрел на него. Не сказал «как хочешь». Просто стоял у двери, и пальцы его на бедре начинали стучать: три удара, пауза, три. Ритм, который знали все. Сейчас он звучал как вопрос.

Сандра поднялась с корточек. Она перебирала свои вещи в старой картонной коробке — три свитера, пара носков, фотография в рамке без стекла. Она подошла к Рою, и в руке у неё была кружка — та самая, с трещиной, которую она принесла с собой из дома.

— Там есть кружки? — спросила она. Голос был ровным, без интонации, как будто она читала список покупок. — Или свои привозить?

Рой посмотрел на кружку. На трещину у ободка.

— Есть. — Он помедлил. — Старые. Сколотые.

— Ничего. — Сандра сжала кружку пальцами, и костяшки побелели. — Я привыкла.

Она прошла мимо него к лестнице. Ступенька скрипнула под её весом — седьмая, та самая. Остальные начали подниматься следом: кто-то с сумкой, кто-то с пустыми руками, кто-то с коробкой, которую он не мог нести. Мужчина с тростью остался сидеть. Он не смотрел на уходящих. Смотрел на квадрат на полу, где стоял стол.

Мэтью не пошёл за ними. Он стоял у стены, прислонившись спиной к штукатурке, и слушал, как шаги затихают на лестнице, как открывается дверь наверху, как холодный воздух врывается в подвал на мгновение — и снова закрывается. Хлопок. Тишина. Остался только свет — жёлтый, тусклый, от люминесцентной лампы, которая мигала каждые три минуты.

Он подошёл к стене. Там, где он стоял, на белой побелке было пятно — чайное, тёмное, давно въевшееся. Он коснулся пальцем его края. Штукатурка была шершавой, холодной, и под пальцем чувствовался край, где пятно начиналось. Он не знал, кто его оставил. Не знал, когда. Может, год назад. Может, пять. Пятно было старым, как боль, которая не просит, чтобы её называли.

Он убрал руку. На подушечке остался белый след от побелки. Он посмотрел на него, потом на пустой подвал. Семь стульев были сложены у стены. Один стоял отдельно, тот, на котором сидел мужчина с тростью. Теперь он тоже ушёл. Тишина была полной — такой, что слышно, как гудит лампа. Не три тона. Один. Ровный, низкий, как дыхание спящего.

Мэтью заметил на полу, у ножки стула, кружку. Забытую. Керамическую, белую, с синей полосой по ободку. Она лежала на боку, и на дне её застыла капля чая — тёмная, почти чёрная.

Он наклонился, поднял. Керамика была холодной, и капля на дне не двигалась. Он поставил кружку на пол, туда, где стоял стол. Ровно. В центр квадрата.

Свет он не выключил. Подошёл к лестнице. Седьмая ступенька скрипнула под ним — так же, как под Сандрой. На восьмой он остановился, повернул голову, посмотрел вниз. Лампочка мигнула. Кружка стояла в центре квадрата, и тень от ножки стула падала на неё, как стрелка часов, которая застыла. Он хотел вернуться, убрать её в шкаф, но не вернулся.

Дверь наверху была приоткрыта. Он толкнул её плечом, и холодный воздух ударил в лицо — ноябрьский, сырой, с запахом мокрых листьев. Он вышел на парковку. Машина стояла одна — серая, с ключами в замке зажигания. Он сел за руль, завёл двигатель. Зеркало заднего вида показывало фасад церкви — тёмный, с одним горящим окном в подвале. Свет из него падал на асфальт, на мокрые листья, на пустую парковку.

Он вырулил на дорогу. Свет в зеркале уменьшался, сужался в точку, потом исчез за поворотом. Дорога шла через лес, и ноябрьские сосны стояли серой стеной. Мэтью не включал дворники, хотя мелкий дождь начал оседать на стекле. Он ехал сквозь эту плёнку, и внутри него было пусто — не боль, не усталость, а место, которое раньше занимало ожидание.

Когда он выехал на гравийную дорогу к дому на реке, он увидел свет в окнах. Жёлтый, тёплый, он не слепил — он указывал направление, как маяк, который зажигают не для тебя, но ты всё равно видишь. Мэтью заглушил двигатель и сидел в машине, глядя на дом. Дождь стучал по крыше. На крыльце лежал мокрый лист клёна. И что-то ещё — маленький камешек, белый, гладкий, как речной. Он не придал этому значения. Вышел, поднялся на крыльцо. Третья ступенька скрипнула под ним, как в подвале, но звук был другим — деревянным, влажным.

Дверь была приоткрыта. Он толкнул её ладонью. Тепло ударило в лицо — не жар, а плотный воздух, пропитанный мокрым деревом и чем-то сладковатым, как старое варенье. Он вошёл. В комнате горела лампа — та, что на столе, с абажуром в жёлтую полоску. На столе стояли кружки. Двенадцать. Тринадцатая, с трещиной, стояла чуть в стороне, как будто её поставили специально, чтобы она не мешала. Мэтью подошёл, взял её. Керамика была тёплой — не от чая, от лампы, которая горела рядом.

Из кухни доносился звук. Вода. Она текла из крана и била в металлическую раковину — ровно, без перебоев. Мэтью поставил кружку обратно и пошёл на звук. На кухне никого не было. Кран был открыт, и холодная вода струилась в раковину, отражая свет лампы. Он закрыл кран. Вода перестала бить в металл, и комната стала теснее. Потом он услышал, как за спиной, в комнате, кто-то сказал:

— Ты пришёл.

Он обернулся. В дверях стояла Сандра. Мокрая, без куртки, в старой фланелевой рубашке, которая была ему велика. В руках она держала ведро — жестяное, с ржавым ободком, из которого капала вода. Она смотрела на него, и плечи её были опущены — не втянуты, как обычно, а просто опущены, как будто она их несла слишком долго и наконец сняла.

— Я была в саду, — сказала она. Голос был ровным, но на последнем слове сорвался, как будто она хотела сказать что-то ещё, но передумала. — Поливала. Там земля как камень. Я думала, ты будешь позже.

Она поставила ведро на пол, выпрямилась. Посмотрела на стол, на кружки, на ту, что стояла отдельно.

— Ты нашёл её, — сказала она. — Я не знаю, откуда она. Она уже стояла, когда я приехала.

Мэтью повернул голову к столу. Тринадцатая кружка стояла на краю, и на её ободке, там, где никто не пил, блестела капля воды. Не чай. Вода. Как из крана. Он провёл пальцем по керамике. Капля не исчезла — она перекатилась по ободку и замерла у трещины.

— Кто-то поставил её до нас, — сказал он. Не спросил. Сказал.

Сандра пожала плечами. Одно. Левое.

— Может, Рой. Может, кто-то из тех, кто жил здесь раньше.

Она подошла к плите, щёлкнула конфоркой. Синий огонь лизнул дно чайника, который уже стоял на плите. Вода зашумела — сначала тихо, потом нарастая, как дыхание человека, который вот-вот заплачет.

Мэтью стоял у стола, глядя на кружку. Капля на ободке не падала. Она росла. Он смотрел на неё и чувствовал, как в груди, между рёбрами, что-то садится — не боль, не тяжесть. Присутствие. Как будто кто-то сел на пустой стул и ждал, когда его заметят.

— Ты знаешь, кто это мог быть? — спросил он, не оборачиваясь.

Сандра смотрела на чайник. Пар начинал подниматься.

— Не знаю, — сказала она. — Но она здесь не случайно.

Она повернулась к нему, и в её глазах не было страха. Только тихое узнавание, как будто она уже видела эту кружку раньше — в другом доме, в другой жизни.

Чайник закипел. Сандра сняла его, налила воду в две кружки — свою и ту, что стояла отдельно. Поставила кружку с трещиной перед Мэтью. Пар шёл из неё тонкой ниткой, и капля на ободке, наконец, сорвалась, упала на стол, оставив тёмное пятно на дереве.

Мэтью смотрел на пятно. Потом на кружку. Потом на Сандру, которая стояла напротив, держа свою кружку двумя руками, как держат то, что нельзя уронить.

За окном шумела река. Клакамас текла, серая, быстрая, и её дыхание было таким же, как дыхание Сандры за столом: ровное, с задержками, которые пугают.

Мэтью взял кружку. Керамика обжигала пальцы, но он не отпускал. Он поднёс её к губам, но не отпил. Держал. Пар поднимался, запотевая на его щеке. Он смотрел на воду в кружке, на тёмные листья заварки на дне, и думал о том, что кружка была здесь до них. Кто-то поставил её на этот стол, в этот дом, и ушёл. Оставил её ждать.

Сандра села за стол. Не напротив — сбоку, на уровне глаз. Она не пила. Держала кружку на весу, как держат деталь, которую сняли с двигателя и не знают, куда положить.

— Она ждала, — сказала Сандра тихо, в кружку. — Как мы. Все эти годы.

Мэтью не ответил. Он поставил кружку на стол. Капля на ободке исчезла, но на дереве осталось тёмное пятно, которое не высохнет.

Он посмотрел в окно. Там, за стеклом, на фоне тёмного леса, ему показалось, что кто-то стоит. Фигура, неясная, в сером, не двигалась. Он моргнул — и она исчезла. Или её не было.

— Ты видела кого-нибудь? — спросил он. Голос его был сухим, ровным.

Сандра подняла голову. Посмотрела туда, куда он смотрел. Покачала головой.

— Только реку.

Мэтью смотрел на стекло. На своё отражение, бледное, с глазами, которые не моргали. Он знал, что фигуры не было. Но он знал и то, что кружка стояла здесь до них.

Он взял её, перевернул. На дне, выцарапанное ножом или гвоздём, было одно слово. Не «Р. Х.». Не дата. Просто слово, которое он видел один раз в жизни — в подвале церкви, на табличке, которую никто не замечал.

Пастырь.

Он поставил кружку обратно. Не сказал Сандре. Не показал. Просто поставил, повернув дном к стене, чтобы слово не было видно.

Сандра смотрела на него, но не спросила. Она знала, что если спросит, он скажет «ничего». И это будет ложь, которую она должна будет принять.

За окном дождь начал бить по стеклу — мелкий, частый, как чьи-то пальцы. Мэтью не повернул головы.

Он знал, что кружка не случайно оказалась здесь.

И он знал, что тот, кто её оставил, ещё вернётся.

Чайник остывал. Пар исчез. В доме стало так тихо, что Клакамас слышался за стенами.

Сандра допила чай. Поставила кружку. Встала, подошла к окну, провела ладонью по стеклу — с внутренней стороны, там, где дождь не мог стереть след.

— Завтра, — сказала она, не оборачиваясь. — Завтра я начну копать сад. Даже если земля как камень.

Мэтью смотрел на кружку с выцарапанным словом. На дне её, у самого края, снова собиралась капля. Не вода. Не чай. Что-то тёмное, густое, как старая кровь.

Он не вытер её.

Он просто сидел и ждал, когда капля упадёт.

Глава 6. Утро в доме на реке

Холод проступил сквозь футболку, коснулся позвонков, как лезвие, и Мэтью открыл глаза. Потолок был низким, тёмным, с балкой, на которой висела ржавая люстра без лампочки. Он лежал на боку, поджав колени, одеяло сползло к ногам. Поясница отзывалась глухой болью — не острой, а ноющей, той, что не уходит, даже когда затихает. Пальцы онемели, спали отдельно от тела. Он пошевелил ими — медленно, с усилием, как будто учился заново.

Где-то в коридоре скрипнула половица. Сначала он подумал, что это Сандра, но звук был другим: тяжелее, с паузой на правой ноге, как будто нога не сгибалась до конца. Рой. Мэтью узнал эту поступь ещё в подвале церкви, когда тот входил последним. Рой прошёл мимо двери, не останавливаясь, и хлопнула дверь на веранду.

Мэтью сел. Боль в пояснице резанула, и он замер на мгновение, втянув воздух сквозь зубы. Куртка висела на спинке стула — он натянул её, не застёгивая. Ботинки стояли у матраса: правый на боку, шнурок развязан. Он не стал завязывать, сунул ноги и пошёл на кухню. Подошвы оставляли мокрые следы на тёмном дереве.

Сандра стояла у окна. Боком, так что он видел её профиль — сжатые челюсти, пальцы, вцепившиеся в подоконник так, что побелели костяшки. Она не обернулась, когда он вошёл, но сказала:

— Я ходила в сад.

Голос ровный, но на последнем слове сорвался. Она не договорила. Мэтью подошёл к плите. Чайник уже стоял на конфорке — видимо, она поставила. Он щёлкнул выключателем, и синий огонь лизнул дно. Тишина. Только вода начинала шуметь — сначала тихо, потом нарастая.

— Земля там как камень, — сказала она. — Я пыталась копать, но лопата скользит. Даже не царапает.

Она повернулась к нему. Глаза красные, но сухие — без слёз, с чем-то другим, что было страшнее слёз. Ярость, которая не знала, куда вылиться.

— Знаешь, что я хочу посадить? — спросила она. — Ничего. Я хочу просто копать, пока руки не отвалятся. Чтобы не думать. А я даже этого не могу. Стою и смотрю на твёрдую землю, и думаю: если я не могу копать, значит, я не могу ничего. Даже эту малость.

Мэтью смотрел на чайник, на пар, который начинал подниматься. Потом сказал:

— Я залью землю водой. Она станет мягче.

Она усмехнулась. Коротко, без тепла.

— Вода. — Она повторила, как пробуя слово на вкус. — Ты всегда думаешь, что вода помогает. Чай, дождь, река. А она не помогает. Она просто заливает, и становится грязно. Вода не делает землю мягче — она делает её липкой. Мокрой и липкой, как всё остальное.

Она шагнула к нему — теперь они стояли в полуметре друг от друга. Её плечи были втянуты, но она не прятала руки.

— Ты собрал нас здесь. Сказал, что здесь можно быть. А я не знаю, как быть. У меня руки привыкли мыть посуду, чтобы не думать. А здесь — нечего мыть. Одна кружка с трещиной, и та стоит на полке. И мне приходится думать. И это хуже всего. Это как сидеть и смотреть, как кто-то умирает, и не иметь права отвернуться.

Мэтью молчал. Он хотел сказать что-то, но слова были пустыми, как кружка без чая. Вместо этого он повернулся к плите, снял чайник, налил воду в две кружки — одну поставил перед Сандрой, другую взял себе. Не пил. Держал, пока керамика не начала жечь пальцы.

Дверь скрипнула — вошёл Рой. С улицы, с запахом мокрой хвои, с мокрыми рукавами. Он снял куртку, повесил на крючок, не глядя на них. Потом повернулся, и Мэтью увидел в его лице ту же тяжесть, но без ярости — только усталость, которая стала его кожей.

— Я был у Лоры, — сказал он. Без предисловия.

Сандра замерла. Мэтью повернулся к Рою.

— Она сказала, что я не имею права сдавать этот дом чужим людям. Что это дом моего сына, и я должен жить в нём сам. Или продать. Но не отдавать.

Рой помолчал. В тишине было слышно, как вода в чайнике начинает бурлить, хотя Мэтью уже снял его — это был звук остывающего металла, который щёлкал, сокращаясь.

— Я сказал ей, что это не её дело. Она сказала, что я пытаюсь убежать. И она права. Я пытаюсь. Но я не знаю, куда ещё бежать. Поэтому я здесь. Пока бегу.

Он посмотрел на Мэтью. Прямо, тяжело.

— Что будет, когда я перестану?

Мэтью не успел ответить. В дверь постучали. Три удара — коротких, сухих, как щелчки пальцев. Все повернулись к двери. Рой шагнул к ней, открыл. За порогом никого не было. Только серый свет, мокрые листья, прилипшие к крыльцу, и ветер, который шевелил их. Рой выглянул в пустой двор, прищурился. Постоял три секунды. Потом закрыл дверь.

— Показалось, — сказал он. Голос дрогнул, как струна, которую отпустили. Он не обернулся, смотрел на дверь, на ручку, на свои пальцы, которые всё ещё лежали на металле.

Сандра смотрела на него, потом на Мэтью. Она не спросила, кто это мог быть. Она знала, что если спросит, Рой скажет «ветер», и это будет ложь, которую она должна будет принять. Вместо этого она подошла к столу, взяла кружку с трещиной — ту, что стояла на полке, — и поставила её на стол, между собой и Мэтью. Потом села. Не на стул, на пол, у ножки стола, скрестив ноги, и положила руки на колени.

— Он не ушёл, — сказала она тихо. Не спрашивая. Не утверждая. Просто слово, которое никто не подобрал.

Рой повернулся от двери. Посмотрел на неё. Потом перевёл взгляд на Мэтью.

— Ты слышал стук?

— Да.

— И что ты думаешь?

Мэтью смотрел на кружку. На трещину, которая стала длиннее, чем вчера, или ему казалось. Он провёл пальцем по керамике, и край зацепил кожу — микроскопическая царапина, не глубже, чем укол иглой. Он не отдёргнул руку.

— Думаю, что кто-то стоит на крыльце и не стучит, — сказал он. — Но мы не знаем кто.

— А если он вернётся? — спросила Сандра.

Рой подошёл к плите. Конфорка ещё горела — Мэтью не выключил её. Он поставил на неё чайник, хотя воды в нём не было. Металл зашипел, расширяясь от жара. Он стоял, глядя на пустой чайник, и не снимал его.

— Тогда я открою, — сказал Рой. — И спрошу, что ему нужно.

Он говорил ровно, но пальцы его на бедре начали стучать. Три удара. Пауза. Три. Ритм был тем же, что и в подвале, но сейчас он звучал иначе — не как вопрос, а как предупреждение.

За окном дождь начал бить по стеклу. Мелкий, частый, он не заглушал тишину, а делал её плотнее. Сандра поднялась с пола, подошла к окну. Смотрела наружу, но не видела ничего, кроме своего отражения и капель, которые стекали по стеклу.

— Там никого нет, — сказала она. — Но следы есть. На крыльце.

Все повернулись к окну. Мэтью подошёл ближе, встал рядом. Он увидел то, что она имела в виду: на мокрых досках крыльца, там, где Рой стоял, когда открывал дверь, были отпечатки. Но не его ботинок — другие, меньше, с чётким рисунком протектора, которого он не узнал. Следы вели от двери к краю крыльца и обрывались.

Рой вышел на крыльцо, наклонился. Провёл пальцем по следу. Поднял руку, посмотрел на неё.

— Мокрые, — сказал он. — Только что.

Он выпрямился, оглядел двор. Дождь, деревья, серая мгла. Никого.

Мэтью стоял в дверях, глядя на него. Потом перевёл взгляд на стол, на кружку с трещиной. На дне её, там, где он не замечал раньше, была царапина — неглубокая, едва заметная, но она была. Не буква. Не слово. Просто линия, как будто кто-то провёл ногтём по глине.

— Заходи, — сказал Мэтью. — Дождь усиливается.

Рой вошёл, закрыл дверь. Щелчок замка был громким в тишине. Он не запер его на задвижку. Просто закрыл.

Сандра всё ещё стояла у окна, глядя на следы, которые уже начинали размываться дождём.

— Они исчезают, — сказала она. — Как будто их не было.

Рой подошёл к плите, снял пустой чайник. Поставил на стол. Металл звякнул о дерево, и звук был сухим, как перелом.

Никто не спросил, кто стучал. Никто не сказал, что это ветер. Они просто стояли втроём в кухне, слушали дождь и ждали, когда стук повторится.

Он не повторился.

Но следы на крыльце не исчезли до конца. Один отпечаток, у самого края, остался — тёмный, чёткий, как будто его оставила нога, которая не касалась дождя.

Мэтью заметил его, когда закрывал шторы. Он смотрел на этот след три секунды. Потом отвернулся.

Завтра он зальёт землю водой. Если она ещё будет там.

Глава 7. Обрыв

Гравий под ботинками хрустел — не сухо, а влажно, с прилипшей хвоей. Рой шёл не спеша, потому что левое колено выгибалось под другим углом, и каждый шаг отдавал в поясницу тупым толчком, как если бы кто-то бил резиновым молотком по позвонкам. Дорога кончилась у самой воды — серая глина, мокрая хвоя, и дальше обрыв, который он знал наизусть. Он остановился в шаге от края. Не на самом краю — в шаге. Камень, тёплый от солнца, которого не было, но камень держал тепло, как держат старую фотографию в кармане.

Он сел. Неловко, опираясь на здоровую ногу, потому что левая не слушалась. Сел, свесил ноги над водой. Клакамас внизу шла мутная, быстрая, с белыми прожилками на перекатах. Вода пахла илом и железом — запахом, который не выветривался из ноздрей, даже если дышать ртом.

Правая рука лежала на бедре. Пальцы нащупали край кармана, скользнули внутрь. Бумага. Мягкая, истрёпанная, на сгибах почти протёртая до дыр. Он не вынул её. Просто провёл пальцами по краю, по тому месту, где была сумма. 72 доллара. 1996 год. Тормозные колодки, шланг, работа. Он знал каждую цифру наизусть, каждое слово. Не вынимал. Только трогал через ткань, как трогают крест под рубашкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.